

ВАРИС ЕЛЧИЕВ

Последний из могикан

рассказ

Перевод Рены САДЫГОВОЙ

«Каждый человек, появляющийся в твоей жизни, все события, которые с тобой происходят, – все это случается потому, что ты притянул их сюда. И то, что ты делаешь со всем этим дальше, ты выбираешь сам».

Ричард Бах

Чтобы начать спасать мир, надо сперва спасать по одному людей.

Чарльз Буковски

Люди умирают либо от старости, либо от болезней и несчастных случаев. Он же умрет от усталости.

Он сидел у телевизора с маленьким экраном и размешивал полусладкий светлый чай в граненом стакане. Звон от ложки приглушал звук телевизора. Решил остановиться.

Шла утренняя программа. Проводился опрос на рыночной площади. Репортер останавливал прохожих и спрашивал, автомобиль какой марки им нравится больше...

Зевнул. Проснулся он сегодня раньше, чем наступил рассвет. Сперва вышел на балкон. Синеватый цвет предрассветной поры, ассоциирующейся с тоской и печалью, он почувствовал на себе, вернее, на своем теле. Если сравнить с окрашиванием какой-то вещи из одежды в синий цвет, то можно сказать, что его тело от судьбы получило гораздо больше синяков.

Ему послышался звук, похожий на взмах крыльев. Осмотрел всю комнату и остановил взгляд на облезлых оконных затворах.

Все его мысли были сосредоточены на предстоящем сегодня вечером зрелище. Когда он думал об этом, его окутывало тепло и ему становилось радостно, на лице появлялась улыбка. Но стоило только вспомнить о том, что его предупреждали: «Ты умрешь от усталости», как эта улыбка куда-то исчезала, и он впадал в глубокую депрессию. Почему именно этой ночью, накануне такого большого праздника, ему приснился такой сон? Во сне он увидел смерть. Почему? Не мог понять. Притом смерть представилась не в образе чего-то в белом саване с серпом в руке и черепом, щелкающим своими топоробразными зубами. Она была маленькой птичкой с ярким оперением, которая легко уместилась бы в ладони. Чирикая, она говорила: «Я вижу, ты уже задыхаешься, шаги твои отяжелели. Находишься на грани истощения. Но я сейчас не сяду тебе на плечо, а буду ждать, когда ты окончательно собьешься с ног и свалишься».

Телеведущая с лицом в форме кирпича лезла из кожи вон, чтобы довести до зрителей преимущества рекламируемой ею марки автомобиля. Старалась, чтобы люди отказались от той модели, которую до этого называли лучшей, и предпочли эту марку.

Голова квадратная, лицо красное, словно кирпич. Вспомнил про кирпичи, сложенные во дворе у Гази Эльмана. Если взять самый гладкий из них, то будет точь-в-точь.

Оформление студии оставляло желать лучшего. Несоответствие декорации пыталось как-то сгладить наличие в ней большого аквариума с двумя большими рыбами внутри: оранжевой и черной. На ведущей был костюм ярко-оранжевого цвета. Но если поискать, то и на нем можно было найти черные пятна...

Рыбка в аквариуме, цветок в горшке, птица в клетке... Возмутился. Почувствовал, что слова, толкаясь, стараются выбраться в свет из тьмы. Ему нравилось иногда озвучивать их, выстраивая в ряд, как перламутровые бусинки на четках. Мог также предположить, какие из его мыслей могут стать мостом, соединяющим две бездны, а какие могут стать толчком для углубления этих бездн до бесконечности.

Надо было достать бумагу с ручкой, чтобы написать. Но он не сделает этого. Старая фотокарточка молодого мужчины с задумчивым выражением лица в маленькой рамке на комодке словно говорила приказным тоном: «Не вздумай писать!» (Когда слышишь слово «дед», обычно перед глазами встает образ седого мужчины с морщинистым, как пропаханное поле, лицом и с тростью в руке. Человек, изображенный на фото, был дедом его матери. Ему в этой жизни было отведено всего 29 лет. Правда в таком возрасте).

– Извините, а какой автомобиль вам нравится больше? Прежде чем вы ответите, я бы посоветовала вам...

Он взял настольные часы и завел. Слева лежал билет на представление. Он радостно взглянул на него. И тут ему на глаза попала раскрытая книжка в красной обложке, лежащая справа от часов. Нашел абзац, на котором остановился: «... Но тема нашего разговора совсем другая. Дело в том, что могиканами называли народ крупной и могущественной конфедерации пяти индейских племен, населявших крупные деревни побережья реки Гудзон на востоке штата Нью-Йорк. «Могикане» в переводе означало...»

Перевернул страницу.

«...люди большой реки. Европейцы же называли их речными индейцами или волками, согласно своим тотемам...»

Волки? – удивился он.

«... В 1600 году их численность доходила до 35 тысяч человек. Имели демократическую форму правления. Конфедерацией управлял вождь. Статус передавался по наследству...»

Алюминиевая ложка и стакан освободились и отправились отдыхать (ему кажется, что предметы он беспощадно эксплуатирует). Его остывший сладкий чай, сладость которого особо и не чувствовалась, мать бы назвала водой, оставшейся после полоскания. Себе в чай на завтрак он кладет две ложки сахарного песка. Хоть бы три положил. Сладость бы чувствовалась. Но он же килограммовую пачку на два месяца растягивает. А если увеличит норму на одну ложку ежедневно, то пачки ему лишь на полтора месяца хватит.

Женский смех весом в мужской хохот...

Ведущая пригласила в студию певицу, и та, демонстрируя свой роскошный обнаженный бюст из-под платья с глубоким декольте, стала рассказывать о своих иномарках, своем гардеробе и своем отношении к кухне. (Выяснилось, что ездит она на «Porsche», одевается от «Sergio Rossi» и умеет готовить долму из помидоров, болгарского перца и баклажанов).

В титрах показался телефонный номер певицы, которую звали Илькяна. Он постарался запомнить его.

Голос у ведущей был приятный. Утреннюю программу на местном канале вела она где-то месяц. И с первого же раза, как он увидел ее, при взгляде на её лицо в форме кирпича у него возник вопрос: интересно, читала ли она «Сказание о старце-кирпичнике» Низами?

Значит, его ждет смерть от истощения...

По комнате летает птичка с ярким оперением? Нет, конечно же. Он протер себе глаза и подошел к большому зеркалу, висящему на стене. Раскашлялся.

– На этой неделе тебе предстоит явиться на прием к управляющему банком. Ты подготовил речь на этот случай?

– Никуда я не пойду. Устал от безрезультатности своих попыток.

– Как это – не пойду? Откуда в тебе эта надменность? Разве ты из тех наивных людей, которые думают, что все может решиться само по себе? Или ты возомнил себя Фредериком Дешамью?

– Прошу прощения, а кто это такой? Я его не знаю.

– Откуда тебе знать про него? Это житель страны Утопия, который владеет волшебной палочкой. Если ты не живешь в этой стране, значит, все время обязан являться на прием к кому-то. Что значит – надоело?!

(Человек, живущий один, рано или поздно начинает разговаривать вслух с самим собой. Говорит, даже обращаясь к неодушевленным предметам. Иначе он может оказаться зажатым в четырех стенах).

В правом верхнем углу экрана телевизора было указано время: 8.17. О, ему же на занятия нужно успеть. Положил кусочек усохшего сыра на ломтик черствого хлеба, сделал бутерброд и стал лопать большими укусами, запивая чаем. Оделся, надел наручные часы в серебристом корпусе (сделал это с особым удовольствием), положил в нагрудный карман билет на представление, взял подмышку книгу и только хотел открыть дверь, чтобы выйти, как на глаза попалась пожелтевшая бумажка в клетку. Настроение испортилось дальше некуда. Надо же. Прошло уже лет 40, наверное, а листы из школьной тетрадки у этой стервы все никак не переведутся.

Он развернул бумагу. Хозяйка своим кривым почерком писала ему очередное послание: «Кажется, мои слова не доходят до твоего ума. Если к концу недели не заплатишь за проживание, я прогоню тебя вон и заселю вместо тебя какую-нибудь студентку!»

Поднял голову к потолку. Господи, помоги, чтобы вопрос с табаком был решен, и родители, которые выращивают табак, смогли прислать ему деньги или дали ему работу с авансом в цветочном магазине, чтобы он мог избавиться от этой тетки...

Уже спускаясь по лестнице, он, чтобы прогнать от себя дурное настроение, попытался погрузиться в предстоящий светлый, теплый, таинственный, радостный мир. Имя у этой радости: Фрайда. В переводе с цыганского значит «радость». Осталось совсем немного. Очень скоро его ожидает встреча с этой стройной, словно не имеющей костей акробаткой, которая своими таинственными этюдами доставит ему неопишное наслаждение. Он увидит также иллюзиониста Кхамало (в переводе Рыжий), дрессировщика львов Бахти (Счастливый), эквилибриста Ило (Сердце), а также театральную труппу, малочисленный оркестр, а также тоненьких балерин. В 18 часов начнется спектакль прибывших в их город мастеров искусств. За довольно короткое время, то есть за три дня, пока шли подготовительные работы, он успел даже завести знакомство со многими из них. Передвижной цирк был сооружен на пустыре между двумя микрорайонами с использованием деревянных скамеек на железных конструкциях и построением сцены под брезентовой крышей. И все это оцеплено клетками для зверей и вагонами для проживания гастролеров. Над входом крупными красными буквами был выведен лозунг: «Искусство спасет мир!»

Рыбки в аквариуме, цветок в горшке, птица в клетке. И еще – человек в тюрьме. Он поспешил дополнить незавершенную ранее мысль.

Твоя подвижность – в пределах аквариума, горшка, клетки и тюремной камеры. А статичность сравнима с полянами, небесами, морями и бескрайними степями...

Пока он не думал излагать письменно свои раздумья, так как не был уверен, что не придется вносить в них коррективы.

...Автобус не пришлось долго ждать. В этом провинциальном городке они всегда переполнены. Кое-как вошел в автобус и двинулся в середину с тем, чтобы не создавать трудностей пассажирам при посадке и выходе. В салоне выбрал себе место у большого окна, в которое мог бы хорошо обозревать передвижную арену.

Впервые в жизни он увидит вживую цирк, театр, балет и концерт (и все это в одном представлении). Предвкушая радость от этого события, он три дня подряд посещал место, где состоится предстоящее событие, и восторженно наблюдал за тем, как сооружали арену, репетировали и кормили зверей. Билеты были недорогие, VIP-билеты стоили 10 манатов, обычные – 2 маната. Обычный билет на место в первом ряду прямо у входа он купил сразу, как только началась их распродажа, когда печать на билетах еще не успела подсохнуть.

Арена скрылась из виду, но он по-прежнему пребывал в состоянии восторга. Открыл свою книжку и стал читать с того места, на котором остановился:

«...В основном, могикине жили в укрепленных селениях из 30 домов, располагавшихся на холмах и окруженных заборами, они выращивали кукурузу, занимались охотой и рыболовством...»

Как здесь толкаются, просто ужас...

«...Для этих людей характерны были такие качества, как честность и правдивость. Они никогда не причиняли зла другому, наоборот, старались помочь тем, кто нуждался в их помощи. И мужчинам, и женщинам их свойственна была храбрость...»

Его толкнула какая-то полная женщина. Он ударился о железный каркас сиденья напротив. Чуть было книжку не выронил из рук. Женщина, вместо того, чтобы попросить прощения, сказала: «Меня тоже толкнули». Но его расстроило не то, что она не соизволила извиниться, а то, что пробормотала: «Придурок, нашел, где книжки читать».

Ему ничего не оставалось делать, как закрыть книжку и засунуть снова подмышку. И тут он подумал: только что жил в своем мире, а сейчас попал в мир этих людей, от которых шел неприятный запах. От одних несло потом, от других – куревом, от третьих – жареным луком.

Одна девушка делилась со своей знакомой:

– Да ну его в черту. Я дала ему отвал. Сказала: ты мне не пара. Иди найди себе пару.

Обросший мужчина говорил другому, с грустными глазами:

– Я продаю недорого, почти по оптовой цене, поэтому у меня торговля идет бойко. Если хочешь, можешь присоединиться. А этот диплом свой выкинь на свалку...

Женщина с ребенком рассказывала другой, с полной сумкой:

– Представляешь, бедняга лежит в приемной с давлением 220, а врач говорит: если не внесете 80 манатов в кассу, не буду его осматривать. Изверги. Да чтобы этот Гиппократ проклял их всех. Чтоб...

Он был убежден: находиться в помещении, где слышны неприятные разговоры, так же вредно для здоровья, как быть в комнате, где курят. Но почему-то люди в первом случае проявляют равнодушие, тогда как во втором могут выразить свое неодобрение.

Когда доехал до своей остановки, вырвался из автобуса, словно из ада. Ежедневный проезд в университет по этому маршруту в оба конца обходится в 40 гяпиков. За месяц он совершает 20 поездок. Значит, он тратит 8 манатов. В первый месяц, когда только приехал из деревни и начал снимать здесь квартиру, на занятия шел пешком. Но не прошло и месяца, как туфли за 21 манат, которые донашивал после старшего брата, и вовсе износились: отлетел каблук, стерлась подошва. Отнес их к сапожнику, которого удалось найти с большим трудом. Тот, дремавший без работы, его не обрадовал, сетуя на то, что нынешние ботинки – никудышные, они не подлежат починке, как прежние, и поэтому сапожники остались без куска хлеба.

Зашел в цветочный магазин рядом с остановкой. Поздоровался с бородатым мужчиной, который заговорил одновременно с его приветствием: «Директор сказал, у нас нет подходящей работы для тебя».

Он не знал, как скрыть, что расстроен. Вчера, когда проходил мимо, обратил внимание на разноцветные ромашки. Это его сильно удивило. Он привык видеть белые лепестки на стеблях этих цветов, поэтому решил узнать, откуда они берутся. И выяснил, что лепестки, оказывается, красят, чтобы выглядели более заманчиво. К творению природы добавляют искусственность. Решил, что здесь за умеренную зарплату найдется работа и для него. Он неплохо рисовал. Уж с окрашиванием цветков точно справился бы. С этой целью и обратился к продавцу с округлой бородой и длинными усами. И вот ответ.

– Вам не тяжело здесь работать? – спросил с иронией продавца.

Тот тоже спросил, недоумевая:

– Ты это о чем?

Тогда он, распахнув широко руки, указал на цветы в салоне:

– Ведь вокруг столько цветов, которые ноют от боли оттого, что их силой вырвали из родной земли.

Продавец ничего не понял из его слов и повторил вопрос во второй раз, после чего ответил с еще большим удивлением:

– Брат, какая разница цветку, где ему расти: на своем стволе или же в горшке? Все равно пройдет немного, и он завянет.

– Нет, – сказал он, – ошибаетесь. Есть разница, притом огромная. Одно дело у себя дома погибаешь, среди родных, другое – вдали от дома, среди чужих.

Когда выходил из салона, услышал, как продавец бросил ему вслед: «Чокнутый».

Интересно, а можно ли закрыть все цветочные и зоомагазины?

А тюрьмы как?

... Вот и 3-этажное сероватое здание его университета. Во дворе много студентов, как всегда, и припаркованные автомобили...

В деревне мимо их дома протекает речка. Весной и осенью, когда идут дожди, она полноводная, а летом усыхает. От такого жалкого состояния речки у него аж душа разрывается. В последнее время свое состояние он все чаще сравнивает с видом того водоема, который не смог пережить весну и лето.

В этом сером здании он пока ни с кем не смог подружиться. Разве что отвечал на робкое приветствие одногруппницы по имени Зивяр. Девушка обычно встречала его у входа, затем отводила в сторонку, интересовалась делами и говорила, что скучает без него. Так было и сегодня.

С первого же дня он догадывался, что девушка равнодушна к нему. Многие в группе наладили теплые отношения друг с другом. Это, в основном, были милые девушки которые тесно общались с состоятельными парнями и симпатичные парни, «дружившие» с девушками из состоятельных семей. А упитанная, невысокого роста Зивяр, чей маленький носик не вписывался в ее пухлое лицо, заявила вдруг, что влюблена в него.

Вначале он подумал, что это временно, и скоро у неё пройдут эти чувства. Но когда девушка заявила: «Я без тебя не представляю свою жизнь», понял, что это серьезно. Он не мог позволить, чтобы из-за него погибла молодая жизнь. И ему поневоле пришлось следовать истине: «Если ты в состоянии сделать человека счастливым, но не делаешь этого, то совершаешь преступление». О своем безвыходном положении он поведал профессору, которого навещал в те дни (да и сейчас тоже). После того, как он внес очередные записи ученого в электронную память компьютера, спросил у него, правильно ли поступает. Старик сперва задумался, уставившись своими угасающими глазами куда-то вдаль, затем произнес:

– Собственная боль человека из-за ревности ни за что не позволит, чтобы он принял на себя чужую боль. Но твоя, видать, неревнива...

Начался урок.

К теоретико-методологическому разделу относятся действия, начиная от постановки проблемы и кончая выбором респондентов, а к методико-процедурному разделу относятся сбор, обработка, а также анализ информации. Первый раздел требует от социолога основательной теоретической подготовки. Он должен уметь логически анализировать объект исследования. Второй же раздел...

Хорошо, что вспомнил о профессоре. Ведь он сегодня на представление собрался. Значит, посетить ученого не получится. Нужно обязательно позвонить и предупредить. Жалко старика. Чтобы не ждал напрасно.

В преклонном возрасте профессор надумал издать свои рукописи в виде книги. Сам не может набирать тексты на компьютере. Глаза и руки не слушаются его. И лишних денег не имеет, чтобы отдать куда-то в набор. И он попросил их декана, который был старым другом профессора, чтобы тот нашел ему из числа студентов наиболее сердобольного, кто мог бы безвозмездно помочь с набором. Когда декан объявил об этом в аудитории, все сделали недовольные лица и пробормотали: «Делать нечего». А он согласился.

Ему нравится беседовать с профессором. И больше из-за того, что это единственный человек из его окружения, кто может слушать его. Он ему рассказывал о своих родителях, братьях и сестрах, про сад и огород у них в деревне, про их 4-комнатный дом, а самое главное – о редких книгах, которые имеются в их доме. Говорил о том, что он рос среди тех книг, и что уже в 5 лет умел читать и писать. Старик с большим интересом слушал его рассказ о прадеде, который был репрессирован в 37-м году. Прадеду было тогда всего 29 лет.

И эти книги достались от него. Прадед догадывался, что его могут арестовать, и поэтому спрятал книги в сене, чтобы сотрудники НКВД не смогли найти их при обыске. Много лет спустя жена прадеда нашла их в конюшне и передала своим детям как самый дорогой подарок. Профессор замороженно слушал его рассказ и не один раз спрашивал, как называются эти книги, кто является автором, а также о чем они...

Срочно надо найти мобильник. У кого можно попросить? Со своего он только вызов может подбросить. Может, у Вугара попросить? Нет, его телефоном он воспользовался вчера, когда звонил в различные инстанции, долго и бесполезно говорил о том, почему никто не берется возместить ущерб, нанесенный ветерану войны Гази Эльману, у которого вместо одной ноги – протез. Пьяный водитель наехал на его дом и снес полстены.

Может, взять у Дашгына? Нет, лучше у Азера попросить. Он за него курсовую пишет. Наверняка, не откажет.

Азера он нашел в буфете на перемене. От вкусных запахов у него аж слюни потекли. Сперва спросил, пойдет ли Азер сегодня на представление. Оказалось, что тот даже и не знал про эти гастроли. Затем, стеснясь, попросил у него мобильник ...

Дополнил последовательность своих размышлений: вода в бассейне, завидующая морской воде... Одна имеет безграничную свободу, а у другой она лишь в пределах стен с кафельной облицовкой... Но нет. Он что-то напутал. Это сравнение не может быть продолжением предыдущего ряда. Как свобода воды в бассейне ограничивается кафельными стенами, так и свобода морской воды ограничивается берегами. Здесь нет абсолютной свободы, есть только неполные свободы с большим и маленьким объемами.

Бедность, нужда... Он слышать не хотел таких слов. Зачем афишировать свою бедность, если большая часть людей находится в таком же положении. Он не сторонник извилистых дорог с поворотами налево и направо, а предпочитает прямой путь, даже если в конце он упирается в тупик.

Позвонил профессору и предупредил, что сегодня не сможет прийти, и по его голосу понял, что старик расстроился. Затем набрал номер, который взял из утренней программы с ведущей с кирпичеобразным лицом в надежде, что на этот раз ему повезет (до этого он четыре раза пытался, но безрезультатно).

– Это Ильякяна ханым?

– Нет, ее продюсер. Слушаю вас. Заказов на свадьбы на эту неделю не принимаем. На следующую можно. Только на будничные дни. О ценах, наверное, знаешь. Вся свадьба за три тысячи манатов, если на полчаса, то 500 манатов.

– Я не из-за свадьбы звоню. Я...

– Если это концерт, то мы ходим только на правительственные мероприятия.

– Нет, и не концерт. Нужно выступить в Доме престарелых с получасовой программой. Эти люди...

– Где это находится? Если в Баку, то можем прийти за 500 манатов, а если за пределами города, то ты не обижайся, это будет стоить тысячу манатов. И желательно, чтобы было в середине дня.

– Нет, знаете ли, я – студент. Мой сосед по лестничной площадке работает в Доме престарелых, он говорит, что эти люди очень нуждаются в духовной пище. Надо выступить бесплатно. Мы все должны...

– Слушай, студент, подожди. Какой певец в наше время согласится петь даром? Песню у композитора покупаем мы за деньги, обновление гардероба, макияж, съемка клипов – это все стоит немалых денег. Надо учитывать и то, что определенное время в году свадьбы не проводятся. У тебя что, крыша поехала?

– Но ведь...

На том конце дали отбой. Огорченный, он вернул телефон Азеру.

Что это было? Над головой снова пролетела птица с ярким оперением?

Аппетитный запах. Это, кажется, пирожки жарят, с картошкой. Эти овальные существа (все, что отдает душу, одушевленное), наверное, пицчат сейчас в кипящем масле...

Азер поинтересовался, на какой стадии его курсовая работа, потом сказал, что после уроков они с ребятами собираются пойти в хинкальную. Ради приличия и его пригласил. Он сразу отказался, сказал, что после занятий пойдет к своей тетке. Она приготовила кутабы из требухи. Знает, что он любит их, поэтому и пригласила.

В действительности же он и не думал идти к тетке. В прошлую субботу решил у них налить себе чаю, отложив в сторону книгу, так она оттолкнула локтем его книгу, пробормотав, что книга – источник микробов, и он берет чайник руками, полными микробов. А потом вылила всю воду из чайника и вымыла его. Это его сильно задело.

Он вернулся в аудиторию.

Временами в его мозговом рационе появлялись вещи, о которых он ранее и не думал. Четко осознавал, что с этой «пищей» он соприкасается впервые, и в то же время «вкус и запах» были ему знакомы, словно он нередко вкушал это. Со временем он все больше убеждался, что все новое – это всего лишь хорошо забытое старое. Все, что должно было случиться, уже случилось. Чем в неведении выдвигать бессмысленные гипотезы, он предпочитал оглядываться в прошлое, чтобы предположить то, что предстоит пережить.

Началась следующая двухчасовка. Он постоянно чувствовал на себе взгляд Зивяр. Был уверен, что грань, где соприкасаются прошлое и будущее, известна только ему. На этой точке он стоял один. На это место не мог привлечь ни своих конкурников, ни родных из деревни и никаких других знакомых, даже профессора. Они не захотели бы прийти. Могли засмеять его, начать подтрунивать над ним. Это даже лучше, что они не пожелали прийти. Потому что все чего-то ждали от того, что еще намечается, и крепко цеплялись за это. Ради этого они и живут. Человек может жить без цели?

Поступил сигнал месседжа. Так и знал, это была Зивяр. «Почему ты так охладил ко мне? – писала она. – Может, кто-то сбил тебя с толку? В университете все уже знают о нашей с тобой любви. И родители мои в курсе. Я говорила тебе: или буду твоей, или лягу в землю. Знаешь, что мне мама вчера сказала? Чтобы твои родители срочно пришли к нам просить моей руки. Что ей, бедной, остается делать? Отбоя нет от сватов».

Взглянул на часы. В университете все узнавали время по мобильнику. Один он каждый раз с важным видом поднимал руку и смотрел на свои наручные часы марки «Луч», чтобы узнать время. Делал это с особым смаком. Бывало, кто-то спрашивал у него время, указывая на его часы (когда одевал рубашку с длинными рукавами, засучивал их, чтобы часы были видны), он с радостью называл точное время. А если тот, кто спрашивал, ему нравился, то указывал даже секунды. Ему казалось, что ни у кого на белом свете часы не ходят с такой точностью, как у него.

Значит, его мать должна пойти к родителям Зивяр свататься... Мама везде и всюду не устает повторять с гордостью: «Да мой сын такой красавец, да он в университете учится!». И ждет не дождется, когда наступит, наконец, пора подыскать ему невесту. Она живет в предвкушении этой счастливой поры. Начала даже по-сматривать на красавиц, подходящих в кандидатки на роль невестки. А теперь это заявление Зивяр... Он попытался представить состояние матери, когда он сообщит ей об этом.

До 18.00 еще оставалось время: 5 часов 12 минут.

Девушка так и сказала: «Отбоя нет от сватов». Надо же...

Когда он отступал на один шаг, то встречная сторона шла на него, делая два шага. С этим трудно было свыкнуться.

Когда прочел слово «мои родители», он вспомнил о своих, которым никак не удастся продать выращенный ими табак. Интересно, у кого-то из ребят может быть знакомый, работающий в Министерстве сельского хозяйства? Может, у Рази? Или у Гумру? А может, у Талята? На следующей перемене он попытался навести справки, поговорил с ними. Талят сказал, что может найти человека, только наперед должен что-то иметь с этого. Как он ни пытался объяснить товарищу ситуацию, как ни напоминал о дружбе между ними, все было без толку. Талят помахал рукой и ушел.

Что это? Каждую минуту он чувствует ветерок взмаха крыльев птицы с ярким оперением. Но у него над головой нет никакой птицы.

Не надо было обращаться к Таляту. Ему с первого дня не нравился его надменный характер. И Мехман, и Талыб, и Рауф, и Аскер, и все другие... Никого он не любил. У одного пахан на таком-то посту, у другого тоже какой-то вельможа. У всех родители какие-то шишки. Когда они учились еще на первом курсе, отец Турала открыл новый Дом торжеств. А сын купил себе вторую иномарку и пригласил отметить эти два события. В то время он еще как-то вливался в коллектив, поэтому тоже пошел. Когда ребята были навеселе, попросили его сказать тост. И он, поднимая свой бокал с Cola, произнес такой тост: «В одном закрытом помещении жило много людей. Каждую неделю туда по дымоходу спускали еду по числу людей. Первое время каждый брал свою пайку, и все были довольны. Но со временем те, кто находился поблизости, стали хапать как можно больше, запихивая кушанье себе под мышку, за пазуху. А те, кто находился дальше от дымохода, не успевали и оставались голодными. Те, кто с жадностью налетал на еду, превратились в великанов, а оставшиеся без еды стали как щепки. Выпьем за то, чтобы каждый брал то, что предназначено только ему!». И тогда некоторые из ребят набросились на него с упреками: «Это ты имеешь в виду наших отцов, что ли?» Хорошо хоть за него тогда староста Барат заступился. Не дал, чтобы его отдубасили.

Интересно, под каким номером выйдет на арену Фрайда? И сколько минут будет выступать? Может, она родилась без костей? Как человек может так изгибаться? Прям, как змея.

Занятия кончились. Он пулей вылетел из аудитории, чтобы Зивяр не успела опомниться. При выходе из здания столкнулся с Кенуль, которая славилась в университете своим афоризмом: «Деньги – это респект, они *ресетируют* (обнуляют) все беды». Хоть он и несколько раз извинился, тем не менее она не поскупилась на оскорбительные выражения в его адрес.

Расстроенный, пошел дальше. Вдруг кто-то схватил его за руку. Когда обернулся, увидел Мехмана. Это его, разумеется, совсем не обрадовало.

Тот рассказывал, что они с товарищами пошли в отель, где останавливаются арабские туристы. А наши путаны ходят к ним в номера, чтобы подзаработать. Сейчас Мехман со своими дружками собирается пойти проучить и вытурить из отеля этих бесстыдниц, которые позорят, якобы, их честь.

Он наотрез отказался пойти с ними (даже при этом невольно стиснул зубы и сжал кулаки).

«Шизик, ты хоть раз можешь в чем-то быть полезен?» – бросил в ответ Мехман, но его бормотания: «Нужно бороться с причиной, а не результатом» не услышал, так как сразу удалился. Он чуть не оглох от сочетания звуков «ш» и «з» в слове «шизик». Ему в день по несколько раз приходилось слышать в свой адрес такие слова, как «шизик», «больной» и прочее. Первое время он пытался выступать против таких обзваний. Как он может быть больным, если нигде у него не болит? Но однажды почувствовал, что у него душа болит, и тогда смирился с тем, что он действительно больной.

Снова взглянул на свои часы. Ему еще и на автовокзал надо сходить. Соседу с верхнего этажа должны посылку доставить из района. Он попросил его пойти и получить, так как сам занят. До начала представления надо успеть сбегать сперва туда, а потом к Гази Эльману наведаться.

На автовокзале он бывал много раз, а вот в аэропорту, на железнодорожном вокзале и в морском порту побывать не приходилось. Ускорил свои шаги, чуть ли не бежать начал.

Все автовокзалы, железнодорожные вокзалы, аэропорты, а также морские порты переписываются между собой. В роли писем у них выступают автобусы, поезда, самолеты и корабли. Пассажиры же – это содержание этих писем.

Посылка состояла из конверта. Он положил его в нагрудный карман, туда, где лежал билет на представление, и поспешил по следующему адресу.

Но бывает, что эти письма не доходят до пункта назначения, так как на пути их может поджидать угроза крушения на шоссе, железной дороге, на воде или в воздухе. И тогда они рвутся в клочья. Досаднее всего то, что такой участи чаще подвергаются наиболее совершенные и умные по содержанию письма.

Вместо того, чтобы напрямик пройти в Зеленый квартал с проспекта, он проделал долгий путь по кварталу Сеидов (с Зеленым кварталом у него были связаны неприятные воспоминания, поэтому он всегда старался обходить это место. В последний вторник перед Новруз байрамом, когда ребята вечером разжигали костер, они бросили в него двух котят. Он попытался спасти животных, но языки пламени не дали ему сделать это, и он обжег себе руки).

Едва успел пройти мимо здания семейного общежития, как внимание его привлек большой автобус, обвешанный яркими плакатами, на которых было выведено: «Народный любимец идет на встречу со своим народом». Людей по усилителю звали в Центральный дом культуры на встречу с депутатом Калантаром Калантарлы. «Нашли время устраивать мероприятия, – пробормотал он. – Сегодня же представление!!!»

* * *

...Поздоровался с Гази Эльманом и сразу же стал рассказывать, на какое представление он пойдет сегодня вечером. Не знает, смог ли донести до своего знакомого хоть сотую долю достоинств, которыми обладает несравненная Фрайда.

Сегодня они должны были установить деревянный каркас на крыше дома. Он взял горсть больших гвоздей и тяжелый молоток и поднялся наверх. А про себя подумал: «Интересно, известно ли Гази Эльману о поэте Гази Бурханаддине?»

Чайхана напротив была полна народу, большую часть которых составляли молодые люди. Они играли в домино, курили сигареты и пили чай. В прошлый раз, когда он проходил мимо (шел в библиотеку), обратил внимание, что человек с протезной ногой в одиночку строит стену. Эта сцена его сильно растрогала. Зашел в чайхану и спросил, кто из них умеет выполнять работу каменщика? Вперед вышло несколько крепких коренастых молодых людей, выкрикивая «Я!». Но когда они узнали, что им не будут платить и нужно помочь ветерану Гарабахской войны, то тихо отступили с недовольным выражением на лицах...

Он прикладывал доску к доске и забивал с краю гвоздем. Один, два... Десять, одиннадцать... Двадцать, двадцать один...

Вспомнил далекие детские годы. Зеленая поляна, белые палатки, дымящийся костер. У мужчины с грубыми и сморщенными руками он учится резьбе по дереву... Вырезает узоры: цветки, листья, птицы...

О Боже, снова птица?

Поработали где-то полтора часа и вышли на перерыв. Сели на кирпичи. Хозяйка дома с чалмой на голове принесла чай с чабрецом. Глотая чай, он лишней раз убеждался в истинности выражения: «Чай снимает усталость».

Ладно, но как же он решит вопрос с квартплатой? Надо сказать, что в прошлом году ему было нетрудно платить за квартиру. Присылали деньги из дома. Потом хозяйка-стерва стала периодически, каждые 3-4 месяца, повышать плату на 20 манатов. То у нее нефть подешевела, то доллар подорожал, то зарплату мужу снизили. Каждый раз находит причину.

Только сделал последний глоток чая, как увидел, что Гази Эльман чешет свою протезную ногу. Он обомлел. Инвалид водил ногтями по пластмассе взад и вперед.

От этого раздавался такой скрежет, что волосы вставали дыбом. Увидев его реакцию, Эльман виновато улыбнулся. Он как-то по-особому улыбался. Так жмурился, что глаз становилось не видно. «Порой сам себя таким образом обманываю. Ты не обращай на меня внимания, – сказал он, затем добавил: – Если иногда не обманывать себя, то с ума можно сойти».

Он так растрогался, что на этот раз, когда продолжил работу, вместо гвоздя молотком попал по большому пальцу на руке. Палец сразу же посинел и опух. От боли он застонал. Хозяину стало неловко. Кликнул жену, чтобы та быстро принесла йод и вату. В это время мимо них проходил живший по соседству учитель. Увидев его, Эльман стал сетовать: «Бедный парень, может, он сроду и молоток-то в руке не держал, а вызвался помочь мне и руку себе поранил. Кто он мне? Чужой человек. А скольким родным и знакомым я спешил в свое время на помощь, однако никто из них не придет и не скажет: Дай, я помогу тебе». Сердобольный сосед бросил в ответ «Альтруист он». Гази Эльман, как услышал это, тут же набросился на учителя. «И алый турист, и белый турист – это твой предок. Это ты поганый и тебе подобные. А он – настоящий мужчина», – кричал он, схвативши бедного соседа за горло.

Вот так дела... Он сразу забыл про свой раненый палец и бросился вырывать учителя из рук вцепившегося в него Гази Эльмана. А потом пришлось долго объяснять ветерану, что «альтруист» – это совсем не плохое слово, а наоборот, антоним эгоиста. На это он потратил немало времени и нервов.

Извинившись, они попрощались с недоумевающим учителем. Эльман сел и, вытирая рукавом пот со лба, зажег сигарету. Затем поднял голову, взглянул на солнце, спрятавшееся за тучами и, вздохнув, произнес:

– Брат, ты не осуждай меня. Знаешь, как мы жаждем доброты. Чего только не навидались. Чего только нам не пришлось вынести. Когда мы находились в плену, армяне давали нам в руки посуду, наполненную кипятком, и заставляли бежать. Кто ронял на землю хоть каплю воды, того расстреливали... Когда мне ногу разорвало миной, я в шоке подбирал кровоточащие куски и требовал нитку с иглой, чтобы пришить их на место...

Солнце скрывалось то за черными тучами, то за белыми облаками.

После того, как поранил себе палец, он уже не мог работать самостоятельно, а был подручным у Эльмана, подавал ему гвозди.

...Он не писал ручкой на бумаге, целые тома записывал в своей памяти. Бывало, радовался чему-то засевшему внутри, но больше замечал свои стоны и боль. Вздрагивал от стука каждой слезинки, капающей в душу.

Чистая бумага горит не так, как бумага с умным содержанием. В этом он был убежден. Первая загорается сразу и вмиг превращается в пепел, тогда как вторая горит долго – по буквам, по фразам, по мыслям. От них не остается и пепла. А что было бы, если бы издали указ сжечь все книги, даже записанные в человеческой памяти? Ему стало вдруг страшно от этой мысли, пришедшей в голову.

* * *

Без 25-ти шесть он уже был у гастроллирующего цирка, над входом которого висел плакат с лозунгом «Культура спасет мир». Предъявил свой билет контролеру и, радостный, прошел внутрь. Сел на первое место в первом ряду и, приготовившись выпить в себя порцию счастья, стал ждать. Вокруг царил праздничная атмосфера. Люди, нарядно одетые, позабыв о повседневных заботах, с пакетами семечек, попкорна, баночками сока в руках находили свои места и садились. Многие пришли семьями. Звучала ритмичная музыка. Он решил воспользоваться свободным временем. Открыл книгу, которую всегда носил собой, и стал читать с того места, на котором остановился.

«...Первоначально могокане имели три матрилинейных рода: Волка, Черепахи и Индюка. Каждый род имел свою фратрию, самой сильной из которых была фратрия Волка. Она включала в себя 4 рода: Волка, Медведя, Собаки и Опоссума»...

Повел рукой по нагрудному карману, чтобы убедиться, на месте ли конверт, который он должен передать своему соседу. Представление еще не началось. Звуки громкой музыки смешались с шумом прибывающих зрителей.

«...Столица провинции Могокана называлась Шобак. Здесь располагались вождь, а также его советники. Совет Шахемов, являющийся высшим законодательным органом, тоже функционировал тут. Вождь...»

Услышав крики детей, он прервал чтение и с волнением уставился пристальным взглядом на сцену. Вначале был парад-алле. Все участники, среди которых была и обворожительная Фрайда, прошли по кругу арены в сопровождении велосипедистов со сверкающими огнем колесами и поприветствовали зрителей. Руководитель труппы Годявир (Умный) Михалыч (он чем-то напоминал ему Барона из воспоминаний детства), растроганный до слез, поблагодарил зрителей за столь теплый прием и заполненный до отказа зал. Слово дали представителю городского муниципалитета. Тот отметил, что артисты своим визитом подарили настоящий праздник жителям этого провинциального городка. В это время поднялся шум. Люди в последнем ряду не могли поделить места по причине того, что на одно место было продано два билета. И дальше он не услышал, о чем говорил выступавший. Но когда увидел, как чиновник преподнес руководителю коллектива сверкающую хрустальную вазу, обрадовался и высоко оценил этот жест представителя местной власти.

Над этими Кхамало люди смеялись до упаду. А наблюдая за номером, когда Бахти совал свою голову в пасть льва, зрители замирали в ожидании благополучного конца.

Рядом с ним сидел носатый мужчина с огромными зубами. С ним был сын, похожий на него. Они с таким шумом щелкали семечки, что из-за их шума не слышны были голоса со сцены. Одна кожурка упала ему на колено. Он взял ее и хотел бросить в образовавшуюся горку из их мусора, но потом передумал и положил себе в карман, чтобы дома бросить в мусорное ведро.

Ило продемонстрировал кувырки на канате, пони прошли парадом вдоль арены...

Что это такое? Вначале он не понял, что происходит. Когда трое с рупорами в руках вышли на сцену, он счел, что это – действие по сценарию, но когда услышал их призыв, расстроился дальше некуда. Те трое орала в усилитель: «В Центральном доме культуры проводится встреча с народным любимцем – депутатом Калантаром Калантарли. Всех приглашаем туда». Он, озлобленный, вспомнил разукрашенный автобус, который увидел ранее на улице. Годявир Михалыч призвал их соблюдать правила этики и покинуть сцену. В знак солидарности с ним он тоже встал с места, бросив презрительный взгляд на пытавшихся сорвать представление.

Закончились номера с проделками обезьян и комическими этюдами клоунов. Вдруг на арене словно взошло солнце. В самом центре, освещенном яркими прожекторами, появилась неотразимая Фрайда с ослепительной улыбкой на лице, в сверкающем, как огонь, золотистом наряде.

О Боже, какое изящество, какая грация, какая гибкость. Он с жадностью наблюдал за каждым движением своей любимицы. Похвалил себя за то, что купил билет в первый ряд, так как мог видеть эту красавицу как на ладони. Он сидел в шаге от нее. И палец, ноющий до этого от боли, уже не беспокоил его.

В детстве (кажется, в 7-м классе тогда учился), втайне от отца, преградившего путь арыку и повернувшего течение воды в сторону своего огорода, он совершил поступок, который потом отец назовет грехом. Открыл путь воды к соседу, который не мог орошать свой сад и огород, за что отец сильно разгневался на него и дал жирную оплеуху по его бритой налысо башке. Никогда раньше он не поднимал на него руку. (До сих пор он помнит, как испугался, увидев в зеркале кровоподтек в форме ладони папы на своей детской коже, как заплакала мама, прижав его к груди). Помнит, как удрал из дома, не столько из-за причиненной ему физической боли, сколько по причине душевной травмы. Убежал к цыганам, табор которых расположился на поляне. Он влюбился в этот веселый, вольнолюбивый народ с его песнями и танцами, посиделками, ломившимися от угощений столами, обильным поглощением вина. Мог часами любоваться их темпераментными танцами. Полюбил цыганский суп «хаберома», который они готовили из мяса и зелени. Но больше всего его очаровала их вольная, как у птиц, жизнь.

За довольно короткий срок он научился у цыган скакать на коне, а также освоил резьбу по дереву. Ему очень нравились их обычаи, когда все они складывали свою повседневную выручку в сундук с яркими разноцветными узорами, а потом Барон делил эти деньги поровну между всеми членами табора, включая пожилых и инвалидов. «Среди цыган не может быть различий», – так гласил их закон, который его детский разум запомнил на всю жизнь.

Когда отец с несколькими односельчанами нашел его после 3-дневных поисков, он не хотел возвращаться домой. Барон, успевший привязаться к мальчугану за эти дни, сказал отцу, указав на выбритую голову его сына: «Волосы – это носители счастья человека. Мы сбиваем голову оскверненным. Посмотри, как ты поступил со своим ребенком. Пусть он останется жить с нами. Ты с ним плохо обращаешься».

Он думал, что навсегда останется в таборе, но когда узнал, что мать, братья и сестры плачут по нему, не выдержал и согласился пойти с отцом. И в следующие дни, пока цыгане не разобрали свои шатры и не перекочевали в другое место, каждый день ходил и с любовью наблюдал за жизнью в этом гнезде свободы и равенства...

К выступлению готовился всадник с плеткой в руке, как вдруг на арене снова показались те, с громкоговорителями. На этот раз они выглядели более уверенными. Весь его праздник был омрачен. Чертовы агитаторы обещали всем, кто придет на встречу с Калантарли, подарить его предвыборную программу в красивом переплете и еще дать 50-манатную купюру. Их появление выглядело черным пятном на фоне яркого и красочного зрелища. В зале поднялся галдеж, и он увидел, как люди вставали с мест и бросались к выходу. А когда прозвучало предупреждение: «Торопитесь! Места ограничены!», то тут началась настоящая давка.

Внезапно ему в голову пришла такая мысль: человеку, после того, как он появляется на свет, следует стерилизовать железу алчности...

Всадник с плеткой в руке ни на минуту не прекращал своего выступления, демонстрируя невообразимые трюки. Даже, казалось, в глазах у бедной лошади, лезущей из кожи вон, просматривалась мольба к людям: «Прошу вас, стойте, не уходите».

Зал был почти пуст...

Сидящий рядом носатый мужчина с огромными зубами тащил сына, который не хотел уходить, и говорил: «Ты знаешь, что на 50 манатов мы можем 5 кило мясо купить?» Зрителей, покидающих зал, старался отговорить Годявир Михалыч. Но остановить их было невозможно. В это время раздался грохот. Когда он посмотрел в сторону выхода, то увидел, что толпа при толкотне свалила на улице часть ограждения, на котором висел плакат с надписью: «Культура спасет мир!» Кусок плаката был оторван и валялся под ногами, а из оставшейся части получалось «ура спасет мир!»

Дальше представление прошло тихо и спокойно, без эксцессов. Осталось всего двое зрителей: он и сидящий напротив мужчина средних лет. Вся труппа вместе с оркестром и клоунами, а также обезьяны играли только для них. Надо же было поранить себе палец в этот день! Ведь ему выпало аплодировать и за ушедших зрителей тоже.

Он обрадовался тому, что он не один остался в зале, даже всплакнул от радости, наполняющей его. К концу представления он поменял свое место. Пошел и подсел ко второму зрителю (узнал, что его зовут Джумалы). Взялся благодарить его за то, что он не последовал примеру других. Тот сказал, положив руку на его плечо: «Эти люди думают, что деньги решают все. А на самом деле это не так. Они ошибаются». Он так растрогался от его слов, что хотел обнять и поцеловать этого человека.

Затем мужчина поведал: «Я – несчастный человек. У меня аллергия на бумажные деньги. Стоит мне взять купюру в руки или носить при себе, как сразу все тело начинает чесаться, и кожа покрывается сыпью».

Откуда могла взяться птичка над головой? Наверное, ему показалось.

Теперь ему казалось, что оркестр играет грустную музыку. Прделки обезьян тоже не вызывали восторга. А следующий номер с участием клоуна Кхамало вызвал грустный и горький смех.

По окончании представления на сцену вышел Годявир Михалыч и с печалью в голосе заметил, что сегодня всюду – и в Америке, и в Европе, и в Азии – происходит переоценка ценностей, искусство обесценивается. В любом случае он счастлив, что в зале остались зрители, для которых они могли доиграть представление до конца. Речь выступающего навела его на размышления о людях. Человек силен и в то же время слаб. Когда нужно проявить свою силу, он создает и творит, делает угодные Богу дела. Когда же подходит очередь проявить слабость, тогда он разрушает и сносит, берет на себя грех. Истина человека в его силе, ложь – в его слабости. Справедливость – в силе, неправота – в его слабости. В душе человека противостоят также гуманизм с эгоизмом и доброта с жестокостью.

Годявир Михалыч продолжал стоять на сцене. Поручил принести хрустальную вазу, подаренную ему чиновником перед началом представления, и обратился к ним: «Вас двое, но я, к сожалению, могу дать вам всего один подарок. Я в затруднительном положении, так как его невозможно поделить».

Подарок, несомненно, должен достаться ему. Аллергическая сыпь на коже ничто по сравнению с любовью к культуре. Ему произвольно начинало нравиться, чтобы его ценили. Он чувствовал себя победителем после череды поражений.

«Дорогой друг, ты не знаешь наших забот. Мы не можем купить дочери приданое. А сваты наши – люди с капризами. Надо угодить им. Эта вещь – из чистого чешского хрусталя. Уж я-то разбираюсь в этом. Если отнесу домой, жена с дочерью будут плясать от радости».

Этого еще не хватало. Он не знал, как среагировать на эти слова. И ради хрустальной радости девушки в подвенечном платье, немного подумав, он кивнул головой в знак согласия.

Джумалы-киши чуть ли не побежал на сцену за подарком. Сверкание хрустальной вазы слилось с блеском его слез, наворачившихся на глаза. Но он в это время уже вышел из цирка и направлялся домой. Над головой было пустое небо.

Не помнит, как дошел до дома и отнес соседу конверт, как зашел в свою квартиру, как выпил стакан светлого чая, закусывая черствым хлебом. Болел ли раненый палец, что за программу смотрел по телевизору, как лег в постель – обо всем этом он не помнил. Опомился только тогда, когда застал себя читающим при свете ночника книгу с того места, на котором прервал чтение:

«...В середине XVII столетия могикиане начинают расширять свои торговые связи. Занимаясь торговлей мехами, они постепенно собирают капитал, что способствовало тому, что в образе мохоков они начинают видеть врагов. Мелкие распри в 1664 году привели к ожесточенной войне. Сжигались села, гибли, как муравьи, люди».

Интересно, уехали ли артисты? Нет, наверное. На разбор арены потребуется немало времени. Возможно, с раннего утра начнут, а к вечеру двинутся в путь...

«Только в 1669 году стороны, вроде бы, заключили мир. Честные во всем могикиане и представить себе не могли, что могут попасть в ловушку врага. Однако мохоки внезапно напали на своих соперников, сложивших оружие, и нанесли им сокрушительное поражение...»

Он представлял, как сейчас рада дочка Джумалы-киши. Дай Бог ей счастья.

«Могикиане потерпели поражение на территории Хофманс-Ферри. Мохоки не щадили даже пленных...»

В начале столетия их численность была равна 35 тысячам человек, а к 1672 году упала приблизительно до одной тысячи человек. Через несколько лет среди них вспыхнула эпидемия оспы, и эта болезнь унесла жизни половины населения...»

Ночь, казалось, была темнее, чем всегда. Прабабушка рассказывала, что когда из НКВД приехали за ее мужем, тогда тоже была темная ночь, и на небе виднелась всего одна тусклая звездочка.

Прадед, по рассказам, был человеком образованным. Все свои наблюдения, исследования держал в памяти, как бы писал книгу в голове, а не на бумаге. И говорил в то лихолетье своей жене: «У кого-то рукописи сжигают, у кого-то книги. И те, и другие несчастны по-разному. Если повезет не оказаться в числе первых, то в числе вторых непременно окажешься. В этом государстве все бумаги с умным содержанием существуют для того, чтобы ими разжигали костер»...

Он встал с постели, подошел к окну. Хотел взглянуть на небо, но побоялся – вдруг увидит там всего одну звездочку. Расстроился.

Снова стал читать свою книжку в красной обложке.

«...В середине XVIII века малочисленные могикиане вынуждены были переселиться на восток – в Стокхидж, так как жить на прежнем месте становилось невыносимо. Английские и французские колонизаторы, господствующие на землях индейцев, пребывали в те времена в состоянии вражды, а племена индейцев не могли оставаться нейтральными в этой вражде. И чтобы сохранить себе жизнь, им приходилось воевать на чьей-то стороне...»

Интересно, у соседа сверху есть знакомые в Министерстве сельского хозяйства? С виду непростой человек. Всегда на нем костюм, галстук...

«...В семилетней войне могикиане приняли сторону англичан и воевали против французов. А в 1776 году 13 человек из числа восставших сражались в рядах американских войск за независимость провинции. Их вождь Гендрих Опмут объявил: «Нам следует быть на стороне правды и справедливости и показать свою человечность. Этот жест наш, вероятно, не останется без ответа...»

Когда он дочитывал последнее предложение, за окном уже рассветало.

«...Однако правительство, объявившее по завершении победоносной войны о независимости США, вместо того, чтобы оценить героизм могикиан, приняло решение о поселении на их землях своих белокожих граждан. Вытесненные со своих исконных земель могикиане вынуждены были двинуться на новое место жительства, которое предоставили им ирокезы в штате Висконсин. И таким образом растворились среди местных племен...»

...Когда первые лучи солнца проникли в комнату, он сидел за завтраком. По телевизору шла утренняя программа. Он вынужденно слушал опрос, проводимый командой девушки с кирпичеобразным лицом. Респондентам на рыночной площади задавали вопрос о том, что они больше всего хотели бы получить в подарок.

Он взял часы со стола и надел на запястье. Это было первым и единственным подарком, который он получил за свою жизнь. Когда был опубликован список зачисленных в университет абитуриентов, отец устроил в доме скромное застолье. И эти часы ему подарил тогда дядя Али – брат матери. Часы часам рознь. Его часы были ему словно близким другом. Бывало, он и в постели не снимал их, засыпал с часами на руке. А в солнечные дни они так сверкали... Темно-синий циферблат и черный ремешок придавали особый шарм их серебристому корпусу, таким же стрелкам и цифрам.

А что бы он ответил, если б его спросили, что он хотел бы получить в подарок? Он затруднялся ответить.

Он и сам не один раз попадался операторам на рыночной площади. И вопросы всегда задавались на бытовую тему. В первый раз он, заинтересованный съемкой, на вопрос: «Какую марку одежды вы носите?», немного подумав, ответил: «Марки Брат-молл». А когда корреспондент поинтересовался, что это за фирма, он ответил: «То есть, донашиваю после старшего брата». Тогда журналист бросил в его сторону: «Вот придурок...» Впоследствии он даже не брался отвечать на их вопросы. Но однажды (он даже не ожидал) ему был задан вопрос: «Кто ваш любимый литературный герой?» И он охотно ответил: «Дон Кихот». А на вопрос: «Почему?», ответил: «Потому что он ведет бессмысленную борьбу, воюет с ветряными мельницами».

Теперь вопрос задавали бедному на вид подростку. То ли нарочно, то ли случайно оператор снимал его крупным планом. В глаза бросалась его рваная сандалия, из которой вылезал большой палец босой ноги. Выяснилось, что он сирота. Говорил, что самая заветная мечта его – иметь мобильный телефон. «Я не имею в виду новый. В магазине продают подержанные, всего за 15 манатов». Пацан мечтал о совершенном чуде. Хотел, чтобы кто-то из зрителей, которые смотрят эту программу, купил и подарил бы ему этот мобильник...

Мальчишка был таким наивным... Верил, что кто-то сейчас возьмет и подарит ему этот телефон...

Как назло, и сыр у него кончился. А хлеб без сыра никак не идет...
Палец же все ныл...

Вдруг он обратил внимание на гостей, приглашенных на программу телеведущей, лицо которой имело форму кирпича. В студии были Годявир Михалыч и Джумалы-киши. Он вскочил с места и подошел к экрану совсем близко. Все свое внимание сосредоточил на программе. Появление на экране знакомых людей вызвало в нем особые чувства. К тому же он мог заново прокручивать в памяти вчерашнее представление. Почувствовал в себе какое-то спокойствие от этого.

Ведущая рассказывала о невероятном случае. Говорила, что чуть не было сорвано выступление деятелей искусств, прибывших в наш город с гастрольным концертом. Во время вчерашнего представления произошло чрезвычайное происшествие (какое именно, она не сказала). Все зрители покинули зал, остался лишь один человек – вот этот самый дядя Джумалы. Он сидел до самого конца, чем продемонстрировал свою любовь к искусству. И артисты играли только для него одного.

«Это же неверно», – пробормотал он.

По мере того, как расхваливали Джумалы-киши, в нем пробуждались обида и чувство ревности к мужчине. Глазами поискал в студии хрустальную вазу, ставшую виновницей всего. Нашел ее на столе и своим злобным взглядом разбил вдребезги.

Происходили невероятные вещи! Джумалы-киши подарили годовой абонемент во все театры и на концерты в Баку (можно подумать, ему это нужно), стотомник «Новейшей мировой литературы» (у него закололо сердце, как услышал это), даже билеты на экскурсии в Миланский театр Ла-Скала и Луврский музей в Париже (Боже, какое невероятное везение).

Сейчас, представляя себя, рассеявшегося с важным видом в этом самом белом кресле (оно, вероятно, закрипело бы) вместо Джумалы-киши и принимающего с удовольствием все эти подарки судьбы (от радости навернулись бы слезы на глаза, затряслись бы руки), представляя ликование членов семьи у телевизора (мать точно пустилась бы в пляс), он испытывал боль внутри, чувствовал, как огромные концертные, театральные и музейные салоны давят на него, а на голову нескончаемым потоком падают каменные книги.

Но моментами перед глазами вставал образ молодой девушки, порхающей в подвенечном платье с сияющим лицом.

Но почему-то она совсем не была похожа на Джумалы-киши. А если поискать, больше похожа на его отца, а еще точнее, на мужчину с задумчивым лицом, глядящего на него со старой фотокарточки в маленькой рамке на комод.

Вдруг из искр, извергавшихся с ее счастливого лица, возник настоящий фейерверк. И от разноцветных кружков, конусов и звездочек он почувствовал в себе облегчение и удовлетворенность...

Окно захлопнулось. Поднялся ветер. Хорошо, что стекло не разбилось. Быстро встал и защелкнул шпингалет. Взглянул на улицу. Перед его глазами была обычная каждодневная картина. Люди с посудой в руках стояли на тротуаре в ожидании своей очереди у молоковоза, несли из маркета к себе домой румяные батоны хлеба в полиэтиленовых пакетах, вдоль тротуаров летал мусор из бумаги и целлофановых кулков. Таким же обыденным был и молодой человек, ожидавший свою возлюбленную у ее дома, выкуривая при этом сигарету и переминаясь с ноги на ногу.

Когда ведущая с кирпичеобразным лицом представила слово Годявиру Михалычу, звук в телевизоре начал хрипеть, пропало изображение, но потом все быстро наладилось. Выступающий заметил, что культура действительно спасет мир, и в подтверждение этого сказал, не обращая внимания на знаки ведущей, призывавшей не упоминать подробностей происходившего, что во время вчерашнего ЧП Джумалы-киши в зале был не единственным, кто не побежал за деньгами. В зрительном зале остался еще один молодой человек.

Тут он почувствовал, как на него нахлынули радостные эмоции. Растрогался, на глазах выступили слезы. Но Джумалы-киши в грубой форме отнял у Годявира Михалыча микрофон и то, что он сказал, ввергло его мир в страшную тьму:

– Тот парень сидел рядом со мной. То, что он не побежал за 50 манатами, не говорит о его любви к культуре. Он сам мне признался, что к денежным купюрам у него аллергия и при контакте с ними тело начинает чесаться и покрывается сыпью...

* * *

На занятиях он сидел подавленный. Иногда он думал, что готов снести и разрушить все, что кажется ему ровным и гладким. Он доходил до состояния бунтаря и, мысленно вооружившись, бросался в бой. Но вся беда в том, что, обессиленный, он начинал стонать под тяжестью своих же доспехов. В бою, который он хочет затеять, ему придется сдаться, подняв белый флаг...

Зивяр неоднократно подходила к нему с целью выяснить причину его плохого настроения, но он упорно молчал. В результате она заподозрила появление третьей силы, жаждущей их разлучить и пытавшейся внести разлад между ней и любимым.

Заявила, что пойдет на смертный бой ради сохранения их любви и может разорвать на куски предполагаемую стерву.

Мехман с особым смаком рассказывал о своих вчерашних выходках в отеле, о том, как сегодня вечером будет кайфовать с чувихами (возможно, среди них будут и те, которых они вчера с позором турнули из отеля).

Он сидел и вынужденно слушал все эту гнусную болтовню. Так и хотелось спросить этого «рыцаря», знает ли, имя какого литературного героя он носит?

Хорошо, что Барат, их староста, увел этого идиота, чью трепотню неприятно было слушать.

Он всегда считал, что Барат в группе лучше других ребят. В прошлом году им преподавал очень требовательный педагог, который заявлял, что оценки будет ставить исключительно за знания. Они всей группой договорились написать ректору жалобу на него, указать, что он груб, не умеет вести урок, и что девушкам делает непристойные предложения. Все подписались, один он отказался сделать это. С ними учится парень, Талыбом зовут, так он схватил его своими большими и толстыми пальцами за горло, мол, ты хочешь быть белой вороной среди нас? Ведешь себя, как экстраординарный человек. Вот тогда в разговор вмешался Барат и вырвал его из рук Талыба, сказав, что на самом деле это он самый обычный, а все мы – экстраординарные...

...Когда проходил мимо деканата, его внимание привлекли двое студентов, которые разговаривали между собой, выражаясь нецензурными словами. Хотел подойти и сделать им замечание, но ноги не послушались его.

Интересно, чем кончатся там дела с табаком? Удастся ли договориться с банком, чтобы не начисляли проценты по отцовскому кредиту? Прошел также мимо парня, царапающего ключом на свежеекрашенной стене лестничной площадки 2-го этажа любовное послание своей девушке.

Жители Дома престарелых очень надеялись, что он приведет к ним певицу. Придется расстроить их.

Зивяр в очередной раз засыпала его в аудитории вопросами («Ты думаешь, я не знаю, на кого ты меня променял? Думаешь, я не в курсе, что вчера вы обнимались с Кенуль? Скажи честно, чем она лучше меня? Вот увидишь, я покончу с собой. Я не могу больше выносить это. Ты этого хочешь?»).

Впервые в жизни он решил сбежать с уроков. Не сказав никому ни слова, взял свою книгу в красной обложке подмышку и покинул аудиторию.

Вдруг эта стерва- хозяйка и впрямь выставит его за дверь? Что тогда?

Когда шел мимо актового зала, увидел, как одетые по последней моде кокетки с младших курсов высмеивают отснятое на их дорогие телефоны изображение пацана в рваном башмаке, из которого вылезал большой палец. Это его потрясло. «Это уж слишком», – пробормотал он и решил, что не может остаться равнодушным к такому безобразию. Но ноги снова не послушались его, и он удалился оттуда. Не мог поверить. Неужели он не в состоянии найти в себе силы, чтобы встать на защиту наивного пацана, чтобы наехать на этих наряженных матрешек, бросить им в лицо, что поступают не по-человечески?

Может, на самом деле устал?

Может, эта птичка прямо сейчас вырвется из какого-нибудь открытого университетского окна, найдет его и скажет: «Привет».

...Постскрипtum книги он дочитывал в автобусе, когда ехал к профессору домой:

...The Last of the Mohicans – Последним из могижан сейчас называют представителя какой-нибудь социальной группы, отмирающего социального явления, сторонника устаревших правил, идей, отживших свое время...

...Стуча по клавишам, он заносил текст с пожелтевших и запыленных Профессорских рукописей в память компьютера, выпивая между делом горячий, свежей заварки чай с мелко колотым кусковым сахаром, которые любезно подносила хозяйка дома (несмотря на ее предложение, он никогда у них не обедал).

Он рассказывал старику о вчерашнем представлении, о неотразимой Фрайде и ее блестящем выступлении. Вспомнил, что по дороге из окна автобуса увидел, как разбирали арену. Ему стало грустно. Разахался. Наверное, больше никогда не придется увидеть Годявира Михалыча, Ило, Бахти, Кхамало (Фрайду он специально не назвал, поскольку знал, если назовет, то совсем расстроится), не посчастливится окунуться в тот сказочный, ярко-красочный мир.

Хоть бы какая-нибудь память осталась у него от этого спектакля. Хотя бы проклятый контролер вернул ему часть билета после отрывания на отметке «контроль».

Вдруг вспомнил о носатом и большезубом мужчине с сыном, которые сидели рядом и лугзали семечки. Невольно засунул руку себе в карман и достал из него кожурку, стал с умилением озирать единственную память о вчерашнем удовольствии.

Профессор чувствовал себя сегодня неважно. Подскачило давление. Жена принесла тонометр и стала мерить. «Немного упало. Сейчас девяносто на сто сорок», – сказала, чтобы не переживал, и удалилась.

Клавиатура, кажется, износилась. Приходится тыкать по несколько раз. О, отлично. Оказывается, есть Интернет. Набрал в Гугле «аллергия» и стал читать:

«Аллергия. С греческого – другой, инородный, чужой. Различные аллергены, воздействуя на организм, могут вызывать зуд, сыпь, слезоточивость, чихание, головокружение...»

Он вздохнул. Значит, аллергия – это воздействие чего-то инородного, того, что организм не принимает. Люди говорят: «У меня аллергия на то-то» (на пыль, на различные лекарственные препараты, на какие-то продукты питания, такие, как цитрусовые, клубника, про аллергию на бумажные купюры у некоторых людей он специально не вспомнил) и стараются держаться подальше от этих вещей. Точно так же по мере того, как люди не делают добра и не проявляют милосердия, у них возникает аллергия на эти человеческие качества. Но разница в том, что этого не признает сам человек, старается держать его втайне.

По обычаю, с профессором они поболтали и о Гарабахе, и о жестокости нашего времени. Он рассказал также о наивном мальчишке из утренней программы, заветной мечтой которого было иметь телефон за 15 манатов.

Профессор поинтересовался книгой, которую он читает. Перелистал книгу в красном переплете, затем, вздохнув, сказал:

– Ты очень чувствительный парень. Я тоже в молодости был таким. А теперь, сам видишь, мучает давление. Кто в молодости бывает чувствительным, к старости становится метеочувствительным.

Пальцы его ходили по клавишам, а мысли умчали в село, к родным. Все сельчане в этом году взяли кредиты в банках, чтобы вырастить табак. Но заказчик отказывался принимать урожай. Требовал, чтобы сперва высушили (тогда табак стал бы легким, и он мог бы заработать вдвойне). И люди, не имеющие условий для сушки, а еще и угнетенные банковскими процентами, вынуждены были развешивать рядами листья у себя дома. Он переживал за здоровье своих родных, вынужденных вдыхать пары табачных листьев. Прекрасно знал, насколько это вредно для организма, особенно губительно влияет на легкие и дыхательные пути. Знал, что длительный контакт с этим растением может негативно отразиться на образе мышления, а также может привести к массовому психозу и индивидуализация сменится на эгалитаризм.

Но больше переживал за дедушкины книги, находящиеся в комнате, где сушили табак...

Он поделился с профессором всем, чем мог, и ему стало легче. Рассказал о прессинге на него черного цвета, о заказчиках табака, про свою хозяйку, о своих соркурсниках Мехмане и Тальяте, о парнях из чайханы, о певице по имени Илькяна, о разряженных матрешках с младших курсов, о Джумалы-киши. Сказал о том, что устал. Рассказал даже о маленькой птичке, которая легко может уместиться в кулаке.

Так не пойдет, нужно поменять маус на компьютере. Работает плохо.

Супруга профессора подала свежий чай. Было вкусно пить крепкий чай с сахаром вприкуску. Когда ученый отводил взгляд, он лопал колотый сахар по два, по три куска. Изголодался по сладостям. Ему даже казалось, что голова у него слегка закружилась, и что старинные вещи в этой старинной квартире начали двигаться.

Надо было торопиться, не то продавец старья на рыночной площади мог закрыть свою лавку и уйти. Он хотел предложить ему свои наручные часы минимум за 15 манатов.

Профессор говорил о чем-то. Сосредоточившись, он постарался вникнуть в то, что он говорил. Старик рассказывал, что наши деды годами передавали нам горящие свечи, как символ света и тепла. Сегодня же каждый гасит по одной свечке. Придет время, будет погашена последняя. И тогда все мы останемся без света и тепла. А когда ученый спросил его: «Это тебя не пугает?», он оторвал взгляд от своих часов и, сглотнув, ответил: «Нет».

Профессор, недоумевая, повторил вопрос:

– Как это? Тебя не пугает, что когда будет погашена последняя свечка, все мы останемся без света и тепла?

– Нет, – сказал он с той же уверенностью.

– Почему?!

– Солнце же ведь не смогут погасить!

* * *

...Он шел на рыночную площадь. И сильно пожалел, что не пошел той дорогой, которая вела мимо места, где когда-то была установлена передвижная арена. Но он был твердо уверен, а также очень счастлив, что где-то, помимо зримых людей, автомашин, деревьев, домов, возможно, даже в поезде, самолете, на пароме, а может, уже по ту сторону границ есть белый, теплый, таинственный смех.

Погода была тихая, безветренная.

Он дошел до будки торговца, снял свои наручные часы, почувствовал навернувшиеся на глаза слезы...